

Секретарю Кировского Райкома КПСС

Тов. СМИРНОВУ

От члена КПСС КЛЮЕВА З.М.

ОБЪЯСНЕНИЕ.

Прежде чем отвечать на конкретно поставленный мне вопрос по делу арестованного в 1937 году Пташковского и других, позвольте коротко остановиться на ужасной обстановке, которая была к тому времени в нашей стране.

Тот жесточайший произвол, который существовал в 1937 – 38 гг. с массовыми арестами людей был организован и в нарушение революционной законности, от начала до конца возглавлялся Министерством, вернее Наркоматом Внутренних дел, во главе которого стоял злосчастный Ежов.

Произвол с массовыми арестами в строго приказном порядке, под видом защиты Советского Государства от внешних и внутренних врагов так же жестоко проводился и на местах.

Для нанесения удара по разгрому так именуемой «Пятой колонны» из Москвы были на периферию высланы ответственные работники для руководства, и большое количество курсантов военных и специальных школ непосредственно для ведения следствия. Таких курсантов в Новосибирске было прислано не менее 400 человек, хорошо проинструктированных чем им заниматься. Разворот произвола меня захватил на работе в Кемеровском гор. отделе НКВД.

Я по званию сержант занимал должность оперуполномоченного, обслуживал гражданские и военные объекты.

Хорошо помню, перед тем как приступить к массовым арестам по изъятию кулацкого и другого антисоветского элемента, в директивах, приказах, распоряжениях указывалось, что в СССР существует «Пятая колонна», в состав которой входят скрывающиеся беглые кулаки, офицеры белой и колчаковской армий, эсеры, (???) (*неразборчиво*), каратели и прочий антисоветский элемент. Что эту «Пятую колонну» нужно уничтожить как базу и оплот империализма.

Что в Сибири оседает большое количество кулаков и белогвардейцев, входящих в организованный заговор против Советской власти, которых нужно изъять и изолировать. Все это подкреплялось тем, что на Западе

назревала война со стороны фашистской Германии, готовившей военное нападение на Советский Союз. Что нельзя допустить такого положения, чтобы враждебные элементы, именуемые как находка для иностранных разведывательных органов в случае войны, повернули штыки против нас.

Для организации авантюры по массовым арестам (это мне стало известно позднее) в города Кузбасса выехали из Новосибирска руководящие работники Управления НКВД. В Кемерово прибыли некто [Печенкин](#) и Голубович, извиняюсь [Голубчик](#), которые разносили работников ГО НКВД в пух и прах за бездеятельность в борьбе с контрреволюцией, некоторым работникам стращали арестами и расправой, если они будут проявлять медлительность и пассивность в работе по аресту кулаков. В порядке подготовительной работы к массовым арестам, [Печенкин](#) и [Голубчик](#) совместно с руководством Кемеровского гор. отдела НКВД [Голубевым](#) организовали три (3) бригады, которые занимались оформлением материалов на арест – писали постановления по выработанному шаблону от имени следователей, арестовывали людей-кулаков по списку распределяли их и передавали следователям для допроса. Эти же бригады выписывали после ареста ордера на арест, составляли для формы протоколы обыска, заполняли анкеты и т.д.

Примерно в августе-сентябре 1937 г. начались массовые аресты в первую очередь кулаков и белогвардейцев. Дела на арестованных кулаков в спешном порядке заканчивались в основном на одиночек и представлялись на рассмотрение Тройки, независимо от того, сознался ли арестованный в совершенных преступлениях или не сознался, это роли не играло. Действующая Тройка кулакам – лишенцам и активным колчаковским карателям выносила высшую меру наказания – расстрел, кулакам — не лишенцам давала сроки.

Основанием тогда для ареста служило не состав совершенного преступления, а социальное прошлое того или иного человека. Вскоре Тройка не стала рассматривать дела на кулаков-одиночек. Тогда [Печенкин](#) и [Голубчик](#) как представители Областного аппарата НКВД (это я узнал гораздо позже) стали творить т.е. фабриковать групповые дела на так называемую организованную контрреволюцию. [Печенкиным](#) был сфабрикован протокол допроса какого то видного лица в прошлом, по фамилии я его не помню. Знаю, что этот арестованный в прошлом как будто полковник Колчаковской армии.

В это протокол были внесены лица из кулаков и белого офицерства как бы завербованные выше поименованным полковником, и каждый завербованный имеет задание вербовать других лиц из числа недовольных Советской властью.

Протокол допроса арестованного, составленный [Печенкиным](#), был размножен на машинке большое количество экземпляров и розданы на совещании следователям для руководства.

Этот состряпанный протокол выдавался перед следователями как строго объективный документ, и каждый следователь слышал упрек. Что не умеет работать, вскрывать а/советское подполье.

Тогда я не разобрался в деталях, я тоже верил этому протоколу, да и не было никаких оснований опровергать его, да и делать это было бесполезно и опасно.

Когда кулаки в основном были арестованы, в областном аппарате НКВД гор. Новосибирска была придумана новая к-р организация так именуемая «РОВС» (Российский Обще — Воинский Союз), центр которого находился якобы во Франции, возглавляемый б/царским генералом белоэмигрантом Кутеповым. А брат этого генерала Кутепов С.П. проживал в гор. Кемерово, был арестован в 1937 году и этапирован в гор. Новосибирск.

Помню в Кемерово, где я работал, был выслан объемистый печатный протокол допроса Кутепова С.П. для руководства, в котором было записано множество фамилий из бывших людей царской знати, проживавших в Кемерово, как бы завербованные в к-р организацию Кутеповым. Все поименованные лица в этом протоколе были арестованы и дали клеветнические показания на других лиц своих знакомых. Я, как и другие работники НКВД, верил в объективность протокола допроса Кутепова и не один раз слышал упреки, что в Кемерово работники НКВД потеряли бдительность, проглядели, что в Кемерово жил махровский враг Кутепов. Пройдя 18 лет я узнал, что Кутепов во внутренней тюрьме покончил с собой, не дав никаких показаний.

Вот таким же образом в кабинетах Областного аппарата НКВД гор. Новосибирска и руководства Кемеровского ГО создавались фальсифицировались к-р организации как ТКП «ПОВ» и ряд других националистических организаций, по которым арест лиц производился только по национальному признаку. Хорошо знаю, что в Кемерово и других

городах Кузбасса почти все были арестованы латыши, поляки, эстонцы, венгры и т.д.

Считалось тогда все эти национальности входят в состав «Пятой колонны» и подлежат аресту. По линии «ПОВ» (Польская Организация Войсковой) арестовывались в основном польские перебежчики, белорусы ранее проживавшие в Польше, лица, имеющие письменную связь с заграницей и т.д. Арестованные содержались в большой скученности в тяжелых условиях камерного режима, который строго поддерживался начальством возглавляемых органов. На допросах арестованные оговаривали себя, оговаривали и других лиц, давая заведомо ложные, вымышленные показания о своей причастности к антисоветскому подполью предварительно договариваясь между собой в общей камере заключения.

Вымышленные показания записывал и я, и другие работники аппарата. Об этом хорошо знало начальство и эти показания принимали за чистую объективность. Жаловаться было некому и бесполезно, каждый работников органов особенно рядовые работники боялись выступить против такого произвола. Тогда легко приписывали ярлык врага народа и пускали в расход.

Так поплатились своей жизнью б/сотрудники органов [Суров](#) , **Шкотский**, **Климко** которые арестованы и расстреляны, а среди сотрудников периферийных органов было объявлено, что они враги народа отказались вести борьбу с контрреволюцией. А такие сотрудники Областного Управления гор. Новосибирска как **Мелехин**, **Рабинович**, **Селедчиков** доведенные до сумасшествия покончили жизнь самоубийством. Мне ничего не оставалось делать другое, как выполнять приказ своего начальства, делать дела заведомо преступные, другого выхода не было.

Конкретно останавливаюсь по следственному делу на Пташковского и др., в котором я принимал участие. Арестованных Пташковского, Ануфрович и др. я совершенно не помню, они у меня по оперативным материалам не проходили. В разработке не были.

Судя по их фамилиям Пташковский и Ануфрович они скорее всего должны быть польскими перебежчиками и по национальности поляки. Таких людей тогда арестовывали по признакам национальности, не считаясь с тем преступник он или не преступник. Такой был приказ и такие были установки. Такие люди арестовывались тогда по шифровкам Москвы и др. органов.

Дело на Пташковского, Ануфрович и др. надо полагать возникло так же, как и возникли другие дела. Кого я персонально допрашивал из этой группы

арестованных я сейчас не помню, хотя я по этому делу два года тому назад в январе 1956 года давал объяснение в Кемеровской Областной прокуратуре.

Раз прокуратура пишет, что мною допрошено 4 арестованных, составлено 6 постановлений на арест и подписано обвинительное заключение, значит это правильно и этому надо верить.

Вполне возможно, что я 4 арестованных допрашивал, а скорее всего я переписал черновые протоколы допроса, составленные бывшим моим начальником отделения [Белобородовым](#), а в конце допроса по указанию последнего я учинил свою подпись. [Белобородов](#) часто практиковал, когда ему докладывали, что арестованный не дает показаний, он брал арестованного к себе и появлялся черновой набросок протокола допроса, которые мне приходилось часто переписывать. Но дело не в том, кто допрашивал арестованного, я или другой работник. Важно то, что я и другие рядовые работники аппарата, и начальствующий состав, на допросах арестованных записывали явно вымышленные оговаривающие себя показания о своей принадлежности к антисоветской организации «ПОВ». Это же надо сказать об арестованных Пташковском, Ануфрович, Коновалове и других, что они себя на допросе оговорили, дали вымышленные показания о своей шпионской и диверсионной деятельности.

Будучи рядовым работником, лицом четырежды подчиненным, я не мог отказаться, не выполнять приказа в той обстановке произвола, боясь того, что со мной могут расправиться, приписать ярлык саботажника, арестовать и судить, тогда это было в моде.

В авантюру при проведении массовых арестов и допросу арестованных я был втянут самым последним из коллектива Гор. отдела, так как я обслуживал воинские части и занимался призывом в Советскую армию и комплектовал военную школу. Мне тяжело было выполнять противозаконную работу и стряпать дела на арестованных. На творимое беззаконие я ходил жаловаться Секретарю Кемеровского Горкома партии Рыневич, он меня основательно выслушал и повторил то, что я уже знал из директив НКВД и добавил, что на разгром вражеского элемента, входящего в состав «Пятой Колонны» есть указания ЦК ВКПБ. Что международная обстановка заставляет делать это, чтобы случайно не попасть под иго империализма в связи с нарастающей военной опасностью на Западе.

Когда Рыневич был арестован НКВД гор. Новосибирска, якобы как троцкист (я не верю, что он был троцкист).

На меня обрушалась со стороны шкурников и карьеристов (Герасимова и Ягодкина) опала. Меня стали обвинять, что я в беседе с Рыневич разгласил Государственную тайну по арестам и массовым репрессиям. Стали мне приписывать ярлык кулака, не желающего вести борьбу с враждебными элементами, не имеющего оперативных показателей. Я подвергся допросу Особо-уполномоченным УНКВД [Ивановым](#). Он меня стал обзывать саботажником, пособником врагов народа и т.д. [Иванов](#) меня арестовал и повез из Кемерово в Новосибирск, доложил б/нач. Управления НКВД [Мальцеву](#), который примерно в 4 часа ночи меня вызвал к себе на беседу. [Мальцев](#) разъяренный обрушился на меня, обзывая бездельником, не желающим выполнять Указание ЦК ВКП (б) по разгрому той же «Пятой Колонны», что наша страна в опасности и враги могут свергнуть Советскую власть. [Мальцев](#) под угрозой суровой расправы со мной, предупредил меня о перестройке в работе и отпустил, в напутствие сказал примерно следующее: «Надо понять существо, а существо – это уничтожить классового врага, а следствие- это форма. Революция без жертв не бывает». Несколько раньше как мне быть на беседу у [Мальцева](#) мне пришлось слышать выступление секретаря Крайкома партии [Эйхе](#) на совещании руководящих работников периферийных органов НКВД, где он призывал беспощадно корчевать вражеское подполье, уничтожать «Пятую Колонну». Говорил. Что троцкисты перестали быть политическим течением в рабочем классе, их надо корчевать как врагов народа, что кулака надо добить как классового врага на основе сплошной коллективизации и т.д.

Я, слушая такие слова от авторитетных ответственных людей все больше и больше приходил к сознанию о необходимости вести борьбу с враждебными элементами кулаками, белогвардейцами, разными перебежчиками, очищая нашу страну от всяких неблагонадежных людей.

Проводить такую работу я уже как коммунист считал своим долгом, партийной обязанностью, не считаясь со временем, иногда от бессонницы доходил до нервных припадков и сумасшествия. Тогда все кричали это хорошо, а сейчас оказалось плохо. И я признаю, что плохо, даже преступно.

В [\(???\)](#) (*неразборчиво*) проводимой работы по выкорчевыванию и аресту всех неблагонадежных я убеждался и в другом. Мне некоторое время приходилось по распоряжению начальства докладывать дела на Тройку. В состав Тройки входили секретарь крайкома [Эйхе Р.И.](#), Начальник Управления НКВД [Миронов](#) и областной Прокурор [Барков](#). Мне из заготовленных повесток на арестованных приходилось зачитывать фамилию

имя отчество арестованного, назвать его год рождения и социальное прошлое. Этого было достаточно для Тройки, чтобы вынести приговор вплоть до расстрела. Составом преступления члены Тройки не интересовались, это считалось формальностью и не зачитывалось. В течение продолжительного времени (около месяца) тройка заседала в ночное время и рассматривала на одном заседании не менее 200-300 следственных дел.

Мне рядовому работнику с куриным кругозором бросалось в глаза и западало сомнение откуда же взялось такое массовое выступление контрреволюции всюду слышишь, то там, то там вскрыты крупные заговоры шпионов диверсантов и т.д. Ведь если бы на самом деле существовали такие заговоры или к-р организации, о их существовании в какой-то мере знали бы. Где же были руководители областных организаций, почему они не приостановили весь этот произвол. Ведь этот произвол тянулся около 2-х лет и прекращен был выходом в свет [Постановлением ЦК ВКП\(б\) и ЦИК от 19 ноября 1938 г.](#) В этом Постановлении от 19 ноября 1938 года отмечалось, что органы НКВД стоя на страже интересов нашего Советского государства, провели большую работу по очистке страны от враждебных элементов, в свою очередь допустили ошибки и перегибы. Поскольку эти ошибки были допущены в Центральном аппарате Наркомата Внутренних дел, они безусловно сказались и на низах, у других работников, в том числе и у меня.

После того, как ЦК ВКП(б) и СНК своим Постановлением приняло меры к исправлению допущенных перегибов, ошибок и извращений, с моей стороны таких ошибок не допускалось на протяжении 16 лет моей работы в органах Советской разведки до последнего дня моего увольнения из органов, а наоборот со всеми извращениями, которые намечались в практической работе, коренным образом боролся и не допускал их сам и сдерживал от таких нарушений других товарищей.

Я работал честно и добросовестно. Об этом свидетельствуют партийные и служебные характеристики, находящиеся в моем личном деле.

1937 год очернил меня, как и других работников органов и как моя 27 летняя работа на таком остром участке работы пропала даром. Жизнь и судьба надо мной жестоко надсмеялась и когда я там, где положено, объясняю обстановку времен 1937 года, мне никто не верит. Молодые работники не верят, потому что они не знают той обстановки. Работники моего возраста не хотят выслушать меня и помочь реабилитироваться, боясь того чтобы и их не постигла такая же участь.

Вступая в ряды нашей славной Коммунистической партии в возрасте 18 лет, я руководствовался Ленинскими идеями быть полезным нашему обществу. Я готовил себя не на то поприще, на котором я оказался и проработал половину своей жизни.

Я до сегодняшнего дня остаюсь при мысли что органы, где я работал по призыву партии более четверти века, искалечили мне жизнь и моей семье и еще неизвестно, что меня ожидает впереди

Когда я работал в органах, то находился под страхом ежедневных угроз расправой за необеспеченность государственной безопасности, и вот уже 4 года не работаю в органах, а живу так же под страхом тех же угроз и возможных репрессий за дела 20-летней давности, в которых мне пришлось участвовать в силу служебного долга в проклятом 1937 году. Из меня сделали человека с маленькой буквы и коммуниста второго сорта. Забыт весь мой пройденный тернистый и довольно тяжелый путь. На меня, на рядового работника, каким я был 20 лет назад, возлагается ответственность за весь произвол, который существовал в 1937 году, как будто я его организовал.

Сегодня 20 декабря исполнилась 40-я годовщина существования ВЧК, мне как старому чекисту надо бы присутствовать гордо на торжественном собрании, а мне с большой горечью на душе приходится писать объяснение и готовится на партийный суд держать ответ и нервно переживать.

Прошу бюро Райкома к решению моего вопроса подойти с полной объективностью с учетом той тяжелой обстановки, которая была в 1937 году.

Учитывая, что в рядах нашей партии я состою 30 лет, не имел ни одного партийного взыскания и отдал все служению нашей социалистической Родине.

В партии я не случайный человек, исключить меня это значит политически расстрелять, уволить с работы, это значит отнять последнее, чем я живу с семьей в 7 человек при одном работающем. Приготовился я ко всему. Но живу надеждами, что справедливость в отношении меня должна восторжествовать.

К сему (подпись) **Клюев**

20 декабря 1957 года